

УДК 821.161.1-1

БУДУЩЕЕ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Система времен в творчестве Ю. Кузнецова включает биографическое время, историческое время и вечность иного мира, библейское время, в котором священная история несет в себе вневременное духовно-нравственное начало, тайну. Поэт предсказал свою судьбу великого поэта. Автобиографическое время плавно перетекает во время человечества с предсказанием его будущего. Будущее России является важнейшей составной частью русской идеи – основополагающей идеи в творчестве Ю. Кузнецова. Загадочна и вариативна судьба национального мира. Кузнецов утверждает два варианта развития истории – процветание русского мира и признание всем человечеством его высокой духовности или гибель России, а вместе с ней и всего человечества. Будущее поэт связывает с утверждением православной веры.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, время, пространство, национальный характер, будущее, русская идея, духовность.

В глубине строки Ю. Кузнецова явно ощутим мерцающий и непостижимый смысл бытия. Душа поэта стремилась к великим тайнам мира, рвалась, мучаясь, страдая и прозревая истины на протяжении всей жизни. Одна из тайн, которую поэт пытался постигнуть, – это тайна времени, тайна будущего.

«Творчество Юрия Кузнецова имеет глубочайшие ассоциативно-метафорические связи со Священным писанием, славянскими мифами, русским фольклором, древнерусской и лубочной литературой» [9, с. 68]. Система времен в творчестве Ю. Кузнецова включает биографическое время, историческое время и вечность иного мира, библейское время, в котором священная история несет в себе вневременное духовно-нравственное начало, тайну, «загадочные сроки», ожидание мессии «на долгие годы». Ю. Кузнецов передает ощущение «бездны времен». В поэме «Путь Христа» слова – «как сказано свыше, навек» [4, с. 517] оказываются ключевыми. Христос говорит от века, вне времени, как Сын Божий, а как Сын человеческий он заключен во время и пространство мира, как «муха в прозрачном желтом янтаре» [Там же, с. 498]. В стремлении к будущему, когда откроется истина, поэт и сам ощущает себя, своё сознание мухой, влипшей в смолу. В стихотворении «Муха в янтаре» он выражает страстное стремление вырваться из исторического времени, куда его заключил Бог, к вечности: «Я видел муху моего ума, / Как некий знак в тумане созерцанья, / Как точку, что меняет суть письма, / А может, и Священного писанья. // И долго озирался я потом, / И всюду открывалась мне дорога, / Ведущая в обетованный Дом / Где вещи мира источают Бога. // Бог как смола. Ты крепко влип, поэт. / В глубокий сон, что временем зовется... / Через пятнадцать миллионов лет / Ударит гром – и твой вулкан проснется» [7, с. 317].

Можно ли его считать визионером, прорицателем? Несомненно. Он предсказал свою судьбу великого поэта. Он ощущал данный ему Богом творческий по-

тенциал и не боялся об этом сказать. В поэме «Золотая гора» поэт дерзко заявил, что взошел на Золотую гору поэзии и проник в её «странноприимный дом», куда не смогли войти «певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды», куда не пустили даже «воздушного Блока»: «Где пил Гомер, где пил Софокл, / Где мрачный Дант алкал, / Где Пушкин отхлебнул глоток, / Но больше расплескал. / Он слил в одну из разных чаш / Осадок золотой. / – Ударил поздно звездный час, / Но все-таки он мой!» [3, с. 110].

Вся поэма воспринимается как развернутая метафора сути жизни и поэтического творчества. При этом биографическое и историческое время у него вариативны. Мотив выбора у плиты на распутье трех дорог решается поэтом поистине интегрально: «Тремя путями этот мир / Рассечь или обнять», смерть, скорбь и любовь для него неделимы. Здесь возникает и неразрешимый человеческий вопрос о смысле существования, и образ сатаны, срывающего наживку с крючка, закинутого в мертвую реку, – иной мир, и образ дитя человеческого, бросающего куски сахара в океан, чтобы изменить, подсластить океан жизни, и мотив самоотречения, когда тень поэта намоталась на колесо повозки слез и её приходится отсечь. Под камнем славы оказывается клубок червей. Земное и небесное, высоту и глубину, свет и тьму, тепло и холод уже здесь поэт не просто противопоставляет, а сопрягает в неразрывном единстве.

Развернутые метафоры поэмы реализовались в судьбе самого поэта и нашей страны, нашего народа. «Золотая гора» – это предсказание своей судьбы, которое не просто реализовалось, а стало поистине сутью всей его жизни. В стихотворении «Посещение Кубани» уже в конце земного пути поэт предрекает «Мне будет памятник стоять / Вот здесь! На этом самом месте!» [7, с. 295].

При этом автобиографическое время плавно перетекает во время человечества с предсказанием его будущего:

Гулом, криками площадь полна,
Там качает героя толпа.
Он взлетает в бездонное небо.
Посулил ли он вечного хлеба
Иль дошел до предела в числе,
Иль открыл, что нас нет на земле?..
Выше, выше! Туда и оттуда!..
Но зевнула минута иль век –
И на площади снова безлюдно...
И в пространстве повис человек [3, с. 39].

Здесь, как и во многих других произведениях, для поэта характерен космический масштаб времени, что позволяет перевести стихотворение в символический план. Речь идет о вечных духовно-нравственных проблемах, которые каждому поколению людей надо решать заново, постигая или преодолевая очевидное. Контрастные образы: площадь – небо, вечный предел, минута – век, образы, символизирующие НТР, – накладывают особый отпечаток на проблему героя и толпы. Бурное бессмысленное движение (туда и оттуда) оказывается кажущимся, а неожиданное состояние покоя, когда человек остается в пространстве наедине с собой, должно послужить определенным предостережением человечеству: не обольщаться ложными ценностями.

Свою судьбу поэт неразрывно связывает с судьбой России. «Не мята пахла под горой / И не роса легла, / Приснился родине герой. / Душа его спала» [Там же, с. 138], – утверждает он в зачине поэмы «Золотая гора». С помощью отрицательного параллелизма поэт вводит читателя в эпическую национальную фольклорную тра-

дицию с её идеей духовного подвига ради Родины. Многие его стихи – это развернутые метафоры, воплощающие судьбу России. Таково стихотворение «Седьмой» о смертном грехе насилия над собственной матерью и мести братьев друг другу, об их гибели и неутешных слезах поруганной матери. И в «Семейной вечере» – всё о России, судьбе русского народа, отца, матери и детей.

Будущее России является важнейшей составной частью русской идеи, основополагающей идеи его творчества. «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов» [2, с. 160], – писал выдающийся русский философ Иван Ильин. Этот принцип лежит в основе творчества поэта.

В поэме «Дом» национальный эпический мир создается благодаря сказочным мотивам. Все это можно понимать как развернутую метафору революции, ведь в те годы русский народ, прельщенный, как, видимо, считает автор, во многом необычной, утопической идеей, принесенной к нам с Запада, действительно сжег свой дом (разрушил храмы, уклад жизни). Далее историческое время прямо узнаваемо: «Две войны напустили тумана, / Слева сабли, а справа обрыв. / Затянулась гражданская рана, / Пятилетка пошла на прорыв» [6, с. 59].

Сказочный мотив двух сыновей, умного и дурака, опять-таки накладывается на историческое время, на социум 30-х – 40-х годов. Поэт показывает сложность и непостижимость Руси и законов её жизни, особый национальный эпический мир: «...а край света – на Руси он за первым углом». Мотивы, используемые в сюжете, становятся элементами мира народной жизни, национальной судьбы, увиденной через призму фольклорной традиции, национального характера и мировосприятия, национальной истории.

Все события в поэме разворачиваются под знаком своей земли, своего национального мира. Со словом «Русь» Иван сражался в чужих землях, «Ну, слава богу! Русь идет...» – восклицает Лука, услышав «слитный гул и ход» освободителей. Да и сам автор в эпилоге, рисуя картину Победы, заявляет: «Я видел Русь с холма...» В отношении Запада и Востока эпическое пространство Руси срединно. «Косматый Запад тучи шлет, Восток – сухую пыль» [Там же, с. 62]. Национальный мир желанен и любим (и в этом смысле идеален): «Цветами родина полна, шипеньем – заграница» [Там же, с. 65]. Образ Дома – символ своего эпического мира. Поэт подчеркивает непостижимость национального пространства и времени, быта и бытия, чувства и мысли. Это и «русский вздох, что удалью зовется», и «свобода русской воли!», и почти философская категория, которой определяет русский человек свою жизнь, – «ничего»: «Что в этом слове “ничего” – / Загадка или притча? / Сквозит вселенной из него, / Но Русь к нему привычна» [Там же, с. 62]. Текст Ю. Кузнецова имеет подтекст, глубину (а может быть, и бездонность). Философия жизни и смерти раскрывается, например, путем художественного анализа понятий «ничего», «никогда». Отталкиваясь от типичной бытовой ситуации «– Как жизнь, родитель? – Ничего» [3, с. 62], поэт создает целую цепь метафор и перифраз, чтобы привести читателя к мысли о непостижимой сложности, диалектичности и закономерности всего сущего в мире. Так же и слово *никогда*: «Загадка сфинкса и числа, / Обмен или обман. / Оно для старости – скала, / Для юности – туман» [Там же]. Тайна мира, его смысла и предназначенья остаются неразгаданными, как и тайна жизни и смерти, любви и подвига. Как это обычно бывает в героическом эпосе, произведение заканчивается на оптимистической, мажорной ноте, утверждая жизнь. Побеждает светлое начало: «Мария плакала светло», «Поэма презирает смерть / И утверждает свет» [Там же, с. 83].

Кузнецов как бы конкретизирует и наполняет зримыми образами смысл тютчевского «умом Россию не понять...», подчеркивая величие, сложность, противоречивость и загадочность национального мира. Загадочна и вариативна судьба национального мира.

Символом своей земли становится в этом произведении маленький городок Тихий Зарев. Национальное пространство укоренено жизнью прежних поколений и освящено высокими помыслами и идеалами. Бытовые картины соседствуют с образами-символами бытия: «Зарытый в розы и шипы, / Спит город Тихий Зарев – / Без ресторана, без толпы, / Без лифта и швейцаров. / Над ним в холодной вышине / Пылают наши звезды, / Под ним в холодной глубине / Белеют наши кости» [6, с. 62].

Историческая судьба страны, будущее русского народа обусловлены национальным характером. Национальные характеры У Ю. Кузнецова глубоки и значительны, потрясающи в своих крайностях взлета и падения, как в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского. Светел, прекрасен и благороден, чист, мужествен и верен Иван. Это героический характер. Лука мерзок в своем предательстве, отречении от дома, отца, родного города, родины, брата. Он хитер и изворотлив и в своем отрицании доходит до демонизма, человеконенавистничества. Отстаивая свою неправду, он закладывает под весь существующий мир бомбу и готов взорвать её вместе с собой. Кстати, фугас так и остался зарытым. В символической форме поэт предсказал разрушительный взрыв 1991 года, когда был разрушен Советский Союз. Опасность для национального мира, по мысли поэта, не миновала и теперь.

В поэме создается символический образ зеркала истории, где происходит вся жизнь страны, сопоставленная с масштабом земного шара и вселенной («Мелькали в зеркале века, / И плыл планетный шар»): «Кривой монгол, стальной тевтон / легли на нем слоями. / Повел на Родину мASON / Огромными ноздрями. / И отразился декабрист / И с топором студент, / Народоходец и марксист / И тот интеллигент...» [Там же, с. 76].

Символическое зеркало, даже не зеркало, а «зерцало» должно дать ответ, сохранится ли Дом (национальный мир): «Взорвется бомба или нет? / Но истина молчала». Слово *зерцало*, в отличие от *зеркало*, чаще употребляется иносказательно, как указывает Даль. В этом смысле («зерцало правды», «зерцало истории») употребляется этот образ в поэме Ю. Кузнецова. Символический свет истории, времени, истины как бы освещает все пространство поэмы. Зеркало таинственно связывает предметный мир с миром сущностей: «Оно сияло со стены неверно и бездонно». Волшебное зеркало отражает не только историю народа, но и личные судьбы в свете истории: препятствием коварным планам Луки становится сияющий свет зеркала со стены родного дома и преданный им погибший брат. Духовная сила человека неуничтожима, как и память истории: «Дохнула с зеркала гроза, / И брата тень шагнула, / И заслонила небеса гигантская фигура» [3, с. 82]. Символический образ брата-богатыря оборачивается идущей в наступление Русью.

В этой поэме, как и во многих стихах, Кузнецов утверждает два варианта развития истории – процветание русского мира и признание всем человечеством его высокой духовности («Накануне Нового года») или гибель России, но вместе с ней погибнет и все человечество («Последняя ночь», «Нищий, или сказка о мировом яйце», «Строитель»).

Эпическое время жизни народа, по мысли поэта, включает в себя и века истории, и жизнь прежних поколений, и миг любви, подвига, поступка конкретного человека: «Цикады час, кукушки год и ворона века». Эпическое время охватывает прошлое, настоящее и будущее: «Громада времени, вперед! Владимир, твой черед!»

[Там же, с. 84]. Непрерывно движущееся, необъятное и невозвратное время, отнимающее у человека годы, дни и часы жизни, не может не вызывать боль. Это боль утрат и боль расставания с собственной жизнью. Национальный мир Кузнецова трагичен. «Глухой эпический раскат <то есть бой часов> / Боль порождает в душе». Поэт предсказывает, что русскому народу предстоит много страдать и терпеть. Дух Святой «велит нам терпеть» [7, с. 24].

Автор – провидец, перед ним лежит эпический мир народной жизни во всем его пространственном размахе и глубине времен. Он хочет, чтобы это увидел и читатель, с которым он также чувствует свое единство и стремится в системе событий, характеров, метафор, символов, ассоциаций открыть ему тайну национального бытия.

Эпическое время стремится к вечности, но не индивидуума, а народа: «Пространство бросить не дано, / В котором мы живем. / Объято вечностью оно, / Как здание огнем» [6, с. 65].

Поэт, близкий к подлинно народной точке зрения, видит подводные камни на пути прогресса, изнаночную сторону внешне отрадного явления, не умом, так сердцем понимает, что же в конечном итоге пойдет на благо людям, а что – во вред. Характерно в этом отношении стихотворение Ю. Кузнецова «Атомная сказка». Сказке как символу духовного богатства народа угрожает опасность: бездуховное, утилитарное отношение к жизни, природе, искусству, национальному прошлому народа. Это стихотворение – предупреждение о бедствиях, которые поджидают человечество на путях НТР. Русского Ивана-дурака на путях социального, научного, культурологического рационализма ждет крах.

В стихах Ю. Кузнецова заключена мощная критика рационалистического сознания и в целом современной цивилизации («Атомная сказка»). Он поддерживает мысль И. Ильина «о сопротивлении злу силою» [2, с. 275].

На протяжении всей своей жизни поэт сражался с невидимым злом, «что стоит между миром и Богом». В «Возмездии» он прямо выражает веру в силу слова, в возможность заклатья стихом сил зла.

Ю. Кузнецов считал себя социальным поэтом. В его стихах ясно звучит тревога за судьбы планеты, за будущее России, за сохранность и жизненность национальных идеалов, за чистоту и красоту народной нравственности и эстетики. В стихотворении «Змеиные травы», написанном в годы застоя, возникает образ мчащегося поезда, везущего «мечты и проклятья земли», колеса которого «на змеиные спины сошли»: «Канул поезд в пустое пространство. / Но из Вас никому невдомек, / Если вдруг среди мысли раздастся / Неизвестно откуда – гудок». Ясно, что речь идет о паровозе, у которого «в коммуне остановка». Поэт предсказывает, что поезд, везущий нас к светлому коммунистическому будущему, исчезнет, но стремление к справедливому будущему и идеалам справедливости неуничтожимы.

В мире идет непрекращающаяся борьба добра и зла, борьба сатанинских сил с Богом. Понятия Неба, Солнца, Звезды несут в себе смыслы, связанные с понятиями Добра и Света. «Прошу у отчизны не хлеба, / А воли и ясного неба...» – заявляет поэт в стихотворении «Бывает у русского в жизни...». Звезда у него определяет судьбу, символизирует талант, счастье, удачу – то, что идет от Бога.

Ю. Кузнецов насущные проблемы века: социальные, политические, исторические, нравственные – преломил через призму своей веры. Христианские идеалы он облек в художественную форму. От ощущения присутствия в мире сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного наличия в мире Христа. У поэтов христианской религиозной ориентации понятие о будущем связано с представлениями о жизни «вечной, нескончаемой». В стихотворении Юрия Куз-

нецова «Новое солнце» «Матерь Божья над Русью витает, / На клубок наши слезы мотает, / Слезы мертвых и слезы живых», а в «Видении Христа в урагане 12 июля 2001» он прямо признается: «В разломе туч, над главами державы / Я увидел иконный лик Христа. / Я грешник, и всего одно мгновенье / Он на меня со строгостью взирал. / Белесой мглой заволочлось виденье, / И ураган Москву переорал». В стихотворении «Невидимая точка» взгляд лирического героя устремлен в невидимую точку, и эта точка – Бог.

В творчестве Ю. Кузнецова значительное место занимают эсхатологические мотивы: «Господи Боже! Спаси и помилуй меня, / Хоть за минуту до высшего Судного Дня: / Я бы успел помолиться за всех и за вся, / Я бы успел пожалеть и оплакать себя...» Автор глубоко убежден в том, что Россия – это последняя надежда человечества. С ее уходом оно неизбежно деградирует и погибнет: «Я ухожу. С моим исчезновением / Мир рухнет в ад и станет привидением / – Вот что такое русское ничто». Русский религиозный философ Сергей Булгаков подчеркивал: «...вера есть дитя тайны, подвиг любви и свободы, она не должна убоиться рассудочного абсурда, ибо здесь открывается вечная жизнь, безбрежность Божества» [1, с. 142].

Поэтическая пенталогия Юрия Кузнецова о Христе «Детство Христа», «Юность Христа» и «Путь Христа», «Сошествие в ад» и «Рай», без всякого сомнения, одно из самых значительных явлений русской литературы на стыке веков, итоговое произведение как для русской литературы XX века, так и для творчества самого поэта. Ю. Кузнецов сконцентрировал в этом произведении все свои художественные находки. Это поэма-цикл, проникнутая сквозной идеей, связанная образом Христа, концепцией веры, бытия, Бога и судьбы человечества.

«Поэма Ю. Кузнецова “Путь Христа” является эпической в широком смысле этого слова. Больше того, ей присущи черты эпопейности, ибо она рисует переломный момент в жизни человечества, имеющий, в частности, колоссальное значение для национальной истории и духовного выбора русского народа в наше время. По сути, это национальная эпопея, хотя прямо о России в ней не говорится» [10, с. 93]. Будущее России и всего человечества поэт связывает с православной верой. В конечном счете Ю. Кузнецов рисует победу Христа над Сатаной: «Пал Сатана на колени и рухнул лицом, / Дым от него повалил и рассеялся злобно...» [7, с. 574]. С.Ю. Николаева, подчеркивая приверженность Ю. Кузнецова философии космизма, констатирует: «Высшая цель эволюции – полное преображение человека, у религиозных космистов это достижение Царства Божьего» [8, с. 71]. Это относится и к Юрию Кузнецову.

Образ Христа особенно близок автору еще и потому, что Ю. Кузнецов и сам ощущал в себе мессианское предназначение. Судя по его стихам, сатана и его дух не раз испытывал на прочность. Он внутренне ощущал историческую миссию, предназначенную ему Богом, которую и осуществил всей своей жизнью, всем своим творчеством.

Русская идея Юрия Кузнецова, говоря словами И.А. Ильина, «выражает русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание» [2, с. 66]. Она воплощает то, в чем русский народ «прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов». Через живое созерцание бытия, мира и человека, природы и национальной истории Юрий Кузнецов указывает духовный путь русскому народу.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 640 с.

2. Ильин И. А. Для русских. Избранное. Смоленск: Посох, 1995. 416 с.
3. Кузнецов Ю. П. Край света – за первым углом. М.: Современник, 1976. 142 с.
4. Кузнецов Ю. П. Крестный ход: стихотворения и поэмы. М.: Сова, 2003. 640 с.
5. Кузнецов Ю. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
6. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Т. 3. 1973–1979. М.: Лит. Россия, 2011. 392 с.
7. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Т. 5. 1992–2003. М.: Лит. Россия, 2013. 720 с.
8. Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 71–81.
9. Редькин В. А., Николаева С. Ю. Традиции А. А. Блока в поэзии Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 68–77.
10. Редькин В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 81–88.

FUTURE IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF YURI KUZNETSOV

V. A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The time system in the works of Yuri Kuznetsov involves biographical time, historical time and eternity of the other world, the biblical time in which the sacred history carries timeless spiritual and moral origin, mystery. The poet foretold his destiny of a great poet. The autobiographical time flows smoothly to the humanity time, predicting its future. The future of Russia is the most important part of the Russian idea – the fundamental idea in the works of Yuri Kuznetsov. The destiny of the national world is mysterious and changeable. Kuznetsov establishes two versions of the historical evolution – the prosperity of the Russian world and the recognition of its high spirituality by all of humanity, or the death of Russia and of all of humanity along with it. The poet associates the future with consolidation of the Orthodox faith.

Keywords: *Yu. P. Kuznetsov, time, space, national character, future, the Russian idea, spirituality.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.